

Юлия Жукова

Сами мы не местные

Фантастика Любовный роман Юмор

RUGRAM

2022

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Ж86

Жукова, Ю.

Ж86 Сами мы не местные / Ю. Жукова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 578 с. с ил.

ISBN 978-5-521-90909-4

Жить в чужой стране и вообще-то непросто, а если это не страна, а целая планета и до родного дома десятки миллионов световых лет... И у тебя там никого нет, кроме любимого мужа, который, впрочем, страдает почти всеми местными заморочками, — тут уж приходится быть начеку и в полной боевой готовности круглосуточно. А между тем в инопланетном раю, раскинувшемся от северных снегов до южных джунглей, где боги ходят по улицам, а на подводных тварей можно полюбоваться из окна вагона, так хочется просто наслаждаться жизнью...

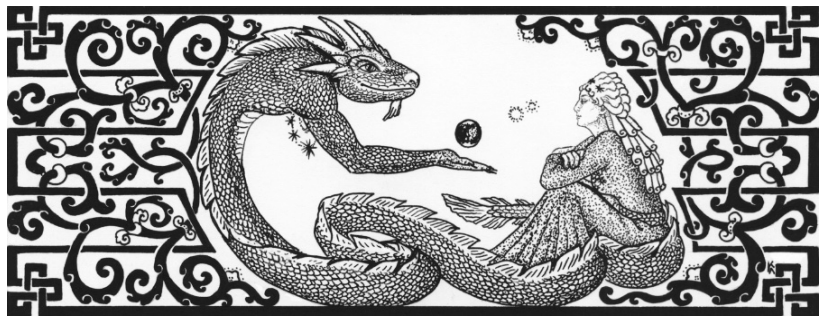
BIC FM
BISAC FIC009000

- © Юлия Жукова, текст, 2021
- © Людмила Ковальчук,
иллюстрация на обложке, 2021
- © Юлия Жукова,
внутренние полосные
иллюстрации, 2021
- © RUGRAM, 2022
- © Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-90909-4

ГЛАВА 1

В которой акклиматизация
идёт с переменным успехом

Из мемуаров Хотон-хон

В начале было двое богов – как ни удивительно, мужчина и женщина. Удивительно то, что про мужчину так мало известно. Вот про женщину всё вам расскажут с большим удовольствием: её звали Укун-Танив, а потом стали вежливо называть Укун-Тингир (хотя что значат оба имени и чем второе вежливее первого – это знание, доступное только Старейшинам). Она носила причёску из четырёх кос, обожала рыбу и была исключительно красива. Жила она, понятное дело, на далёкой Земле (по-муданжски она так и будет «Даль») и потому была бледная и кудрявая, как все земляне.

С богом-мужчиной же творятся какие-то чудеса. Называют его обычно просто «старый бог», причём для этого используют современные слова, а иногда даже молодёжный жаргон, что-то вроде «заплесневелый предок». Старейшины, по идее, знают какое-то более уважительное имя этого персонажа, но ни за что не делятся им с простыми людьми. Жил он тоже непонятно где – мотался по Вселенной без определённой цели. Далее, внешность праотца и вовсе загадочна. Очень мало легенд, в которых он был бы описан хотя бы похожим на человека. Чаще всего это дракон или змей в перьях, хотя может быть волк, леопард, в северных районах барс, на юге скорее шакал. Но даже когда он предстаёт в человеческом обличье, то всё равно сохраняет звериные черты – хвост, когти, клыки, рога, крылья, мех или чешую на лице и руках. Часто также говорится, что он был (и остаётся, ибо поныне здравствует) настоящим великаном. После этого обычно все принимают дружно жалеть богиню-мать.

Итак, эти настолько разные существа всё же нашли общий язык и вступили в брачный союз, одобренный самими стихиями. И сошлись они на брачном ложе, и породили бесчисленное множество самых разномастных детей, которых теперь жители Муданга и называют богами. Любопытно, правда, что все эти дети гораздо больше похожи на отца, чем на мать, то есть совсем не белые и не кудрявые, хотя и довольно красивые, но главное – каждый из них напоминает какого-нибудь зверя, птицу или гада, а вот рыбообразных богов совсем нет.

Укун-Танив от родов страшно устала и закатила своему мужу такой скандал, что звёзды тряслись. А потом хлопнула дверью небесного шатра (некоторые книжники считают, что она просто задела «поющий ветер», висевший над порогом) и улетела к себе на Землю. От всех этих сотрясений

поднялась пыль, и её скатало ветром в шарик, который и есть планета Муданг.

Старый бог вздохнул, почесал когтистой лапой перья на голове, да и стал выдумывать, какими бы подарками заманить обратно расстроенную подругу. А заодно – что делать с полчищами новорождённых детей, которых она и не подумала взять с собой? Чтобы стимулировать мыслительный процесс, он взял тот шарик пыли и стал его катать в руках, да так плотно скатал, что внутри всё сплющилось и пыль стала драгоценной платиной. А чтобы выровнять поверхность, старый бог поплевал на руки, отсюда на планете возник великий океан Гэй. Повесил бог получившуюся изрушку посреди Вселенной и принялся её всячески украшать. Заслал туда своих младенцев и наказал им сделать из подручных материалов всякую зелень и живность. Пока они были заняты, старый бог решил отдохнуть, встретился с друзьями, да и выпил лишнего. А когда очнулся, смотрит – а по его шарiku бродят какие-то двуногие существа, вроде на детей похожи, ан не совсем, и от жены что-то в них есть, но тоже немного, и на него самого только отдельными чертами похожи. Чудеса, да и только.

С другой стороны, подумал старый бог, чем же ещё заворожить супругу, как не чудесами? Взял он аккуратно парочку загадочных существ и послал ей через туннель, дескать, возвращайся, смотри, какие у меня тут штуки есть.

Укун-Танив человечков получила, осмотрела, наморщила носик и решила их облагородить. Наделила их своей красотой и силой, открыла им тайны природы и поселила у себя на Земле. Понаблюдала некоторое время, как они привыкают к новым условиям. Потом вздохнула, оторвалась от любопытного зрелища и полетела к мужу. Надо же было поощрить его за такой любопытный подарок.

А у мужа творится бедлам. Создал он себе планету, наполнил её всяким зверьём, выпустил туда своих человечков, они ходят, бедные, куда приткнуться, не знают, чем заняться, не понимают. Жалко ей стало бедных несмышлёнышей, но одаривать их как своих земных ей тоже не хотелось, всё-таки злилась ещё на мужа немного. Тем более тут ещё все эти дети, вот пусть они человечкам и покровительствуют. А она дала муданжцам живительную влагу из своих грудей, которая пролилась на планету дождём и обратилась в пресную воду. В эту воду поселила она своих любимых рыб и задумалась, что бы ещё такое сделать, да ненароком взглянула на мужа. А тот счастливый стоит, улыбается, дивится на новый мир, который они вместе сотворили. И такое влечение ею овладело, что никаких сил обижаться на него не осталось. И отправились они снова на брачное ложе, но прежде Укун-Танив мановением прекрасной своей лани освободила человеческих женщин от всякого подобного влечения, чтобы они могли сохранять достоинство и не прощать своих мужей за спасибо и улыбку. Правда, совсем уничтожить влечение ей не удалось, ведь никакую силу нельзя вовсе уничтожить. Поэтому с тех пор большинство муданжек свободны от похоти, но зато уж если какая несвободна, то отдаётся всю жизнь за всех своих соотечественниц, и всё ей мало.

Дальнейшая судьба Укун-Танив и её мужа никому толком не известна, даже Старейшины честно разводят руками. Бог землетрясений, он же Ирлик-хон, мангуст-оборотень, однажды напрофочил (во всяком случае, некоторые считают, что это было пророчество, а не просто пара лишних чарок на пиру, как думают авторитетнейшие из Старейшин), что когда-то в далёком будущем супружеское ложе богов совсем износится, и тогда старый бог притащит раздражённую жену на планету, чтобы здесь ею овладеть, а она будет упираться, и на каждом её суставе откроется рот, и она бу-

дет этими ртами кусаться, как дикий зверь. Но что случится из-за этого – никто не знает. То ли конец истории, то ли новые дети... Как бы там ни было, большинство Старейшин даже не считают это пророчество настоящим.

Некоторые полагают, что Укун-Танив регулярно посещает мир, и в это время её надо называть Укун-Тингир, иначе обидится – и не видать урожая. Другие говорят, что Укун-Тингир – это другая богиня, возможно, сестра или дочь Укун-Танив. Все согласны только, что Укун-Тингир не живёт на Муданге всё время, а прилетает иногда, в моменты особой исторической значимости, когда надо помочь людям справиться с каким-нибудь глобальным несчастьем вроде проглоченного солнца. У Ирлик-хона, очевидно, есть все основания её не любить, он ведь ещё не отомстил за распоротое брюхо.

Есть и ещё одна любопытная деталь в образе старого бога. Среди всех богов, которых он расселил на Муданге, есть у него любимый сын, самый умный, хитрый и смелый среди всех богов. Толын-чун (так его зовут) тоже оборотень, как и все его сёстры и братья, и обращается он в крылатого чёрного барса (на севере) или шакала (на юге). На экваторе иногда рассказывают, что видели подозрительных шакалов и барсов вместе – ведь у муданжских богов тоже есть дети, и почему бы им не встречаться иногда... В любом случае, муданжцы очень любят рассказывать друг другу легенды, истории и просто анекдоты об этом боге, причём самого разного толка, от возвышенных прославлений до полной похабщины. Поскольку рассказы о Толын-чуне так популярны среди муданжцев, то довольно часто случается, что наёмники или другие муданжцы, живущие не на своей планете, принимаются рассказывать о нём на всеобщем языке людям с других планет. И в этих рассказах они все упорно называют его «демон», хотя и затрудняются объяснить, почему именно это слово из чужой культуры кажется им наиболее соответствующим.

* * *

— А ты сам-то как считаешь, одна это богиня или две?

Мы с Азаматом возлежим на подушках в «Лесном демоне» и вяло покусываем копчёные сурчиные лапки. К этому экзотическому мясу я всё-таки привыкла, особенно если подавать его мне не целой тушкой, а по кусочкам.

— Я, вслед за Старейшиной Унгуцем, придерживаюсь довольно маргинального мнения, что у богов, особенно у старших богов, вообще нет некой единой сущности. Старый бог потому так по-разному и описан, что он на самом деле не один, а множество существ, объединённых одной личностью. Укун-Танив имеет более определённый облик, потому что у всех примерно одинаковые представления об идеальной женщине. В то время как представления об идеальном мужчине бывают довольно разные. Во всяком случае, у нас и в плане внешности. Так что я думаю, что Укун-Тингир — это некая производная Укун-Танив, хотя по сути они одно.

— Будем считать, что я тебя поняла. — Я звонко чавкаю копчёностью. Здесь это означает высокую похвалу повару, а кто я такая, чтобы обижать нашего гостеприимного хозяина?

С того дня, когда Азамат подтвердил своё право на титул Непобедимого Исполина (пропустим полторы страницы уточняющих его заслуги званий), прошёл почти месяц, а состояние природы и не думало никуда меняться. Впрочем, если учесть продолжительность муданжского года, то неудивительно, что сезоны тут такие неторопливые.

Азамат у меня совсем замотался с этими боевыми учениями. Я уже жалею, что ухватилась тогда за эту идею. Нет, ну одно дело несколько раз в неделю погонять пару десятков парней и объяснить им приёмчик-другой. Но народу собралось столько, что мой дорогой супруг вынужден проводить свои уроки по пять-шесть часов каждый день без выходных, а некоторые особо наглые ещё и на индивидуальные занятия напрашиваются, хотя бы и за деньги. А ведь на тренировке он не может сесть на почётное место и только покрикивать. Ему же надо всё самому показать, всех обойти, да не по одному разу... В общем, тяжёлое это дело. С другой стороны, ему настолько льстит внезапное всеобщее внимание, что прекратить или хотя бы сократить уроки он ни за что не хочет.

Да и вообще, я только теперь понимаю, что всё время до нашей свадьбы он пребывал в глубочайшей депрессии. Во всяком случае, весь этот месяц энергия из него хлещет так, как раньше мне и не снилось. Он двух минут не может посидеть, чтобы чем-нибудь не заняться. Несмотря на выматывающие уроки борьбы, он успел подновить дом, собрать себе и мне по смешному муданжскому автомобилю, а теперь в бешеную рань, пока я сплю, возится в мастерской с каким-то летательным аппаратом. Бук стоит-пылится в спальне, его уже давно никто не открывал. Хозяин начитался за пятнадцать лет и теперь хочет активной деятельности. Вечером, конечно, в койку падает замертво, но зато никаких дурных снов. Просыпается ещё затемно, я, естественно, тоже вскидываюсь, далее следует бурное и насыщенное исполнение супружеского долга, после чего я остаюсь спать, а он убегает готовить завтрак и мастерить свою авиетку.

За завтраком я имею удовольствие созерцать его счастливую физиономию, а потом он укатывает на тренировку. Я ещё некоторое время просыпаюсь, что-то жую и тыкаю в бук, после чего прогулочным шагом отправляюсь к целителю.

Он оказался неплохим мужиком, достаточно вменяемым и сообразительным, правда, нечеловечески любопытным. Мы с ним затеяли фундаментальный проект перевода на муданжский язык «Большой медицинской энциклопедии», но дело движется невероятно медленно, потому что многие описанные там болезни и симптомы здесь вообще неизвестны, да и словарного запаса мне не хватает, чтобы их толком объяснить. Целитель живёт в забавном домике, больше похожем на башню, а кабинет для наших занятий находится на верхнем, третьем этаже. Поскольку для муданжского дома три этажа — это много, то там даже устроен лифт, чему я очень рада: потолки-то высоченные. Так вот, в кабинете окна представляют собой витражи с обнажёнными женским и мужским телами и просвечивающими сквозь них схематичными органами. Сверху всё это великолепие снабжено названиями «*Карта частей мужа*» и «*Карта частей жены*». Мой словарный запас постепенно пополняется, а работа над энциклопедией движется, и «Карты» обрастают липкими листочками с надписями на двух языках — как что называется.

Параллельно мы также пытаемся установить, какие тут известны лекарственные травы, от чего их применяют и насколько это действенно. Результат иногда просто потрясающий. Например, подорожник здесь — такая же обычная трава, как у нас, но о его целебных свойствах муданжский коллега ничего не знал. Зато обнаруживаются какие-то неизвестные мне доселе расте-